НАУМОВА Инна Юрьевна

канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры японоведения Восточного института –
Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: naumova.iyu@dvfu.ru

Японская экономическая лексика: некоторые особенности словообразования и словоприменения как причина лексико-семантических переводческих трансформаций

УДК 811.521 10.24866/2542-1611/2017-4/62-74

японский язык,
экономическая лексика,
словообразование,
словоприменение,
терминологическая
система,
переводческие
трансформации,
заимствования,
аббревиация

В статье рассмотрены примеры словообразования и употребления терминов и словосочетаний японской экономической лексики. Предмет исследования: языковой материал японских специализированных словарей, научные статьи на японском языке. Методы исследования: словообразовательный и контекстный анализ, сопоставление семантики, анализ конкретных примеров словоупотребления. Выявлены основные факторы переводческих трансформаций: аббревиация, заимствования и их комбинации. Определены типичные формы переводческих трансформаций японского экономического текста: добавления слов, отсутствующих в оригинальном тексте; конкретизация при многозначности.

Передача смысла оригинального текста без изменения его лексических, грамматических и семантических компонентов практически невозможна: в наибольшей степени это касается художественного (особенно, поэтического) текста, в меньшей (но лишь на первый взгляд) – научно-технического или иного специального, где на страже «смысловой границы» стоят своеобразные пограничники – термины (словари и энциклопедии относят нас к одному из богов пантеона древнеримской мифологии Термину – охранителю межей, столбов, камней, которые считались священными). Тем не менее, «священные границы» терминосистем весьма проницаемы – на их целостность могут «покушаться» неологизмы, специальная же лексика, напротив, может «уходить» в общепотребительное пространство. Изучение процессов словообразования и употребления терминов и словосочетаний, характерных для определённой терминологической системы, является задачей междисциплинарного характера – входит в орбиту проблем лингвистики, переводоведения, лексикографии, терминоведения. В последнем случае в качестве объекта внимания когнитивного терминоведения важно сделать акцент на выявлении и интерпретации особенностей функционирования специальной лексики в процессе межязыковой профессиональной коммуникации: переводчик получает дополнительные объяснения – владения когнитивным аппаратом специальных областей знаний, в нашем случае, например, и экономической

науки, и японоведения.

Экономическая лексика в любом языке весьма неоднородна, исследователи выделяют несколько пластов, имеющих весьма приблизительные границы:

термины («слова, строго соотнесенные с научным или производственным понятием, способные порождать другие термины и ряды однокоренных слов»);

профессионализмы (производственная лексика, представленная «преимущественно в профессионально-деловой речи специалистов промышленности и сельского хозяйства»);

профессиональные жаргонизмы (просторечно-жаргонная лексика, встречающаяся «в непринужденной производственно-обиходной речи») [2, с. 101].

Однако, учитывая тот факт, что в экономические отношения вовлечено практически всё население, отношения эти разнообразны, а коммуникативные связи обеспечиваются многослойным массивом слов и выражений, мы не будем делать акцент на критериях, разделяющих экономическую лексику на термины, профессионализмы и профессиональные просторечия, а примем во внимание факты включения в специализированные словари не только строгих терминов, но и лексических единиц без определённого терминологического статуса, зато в реальности часто употребляемых и в научных текстах, и в экономической прессе, и в профессиональной речи. Статус экономического термина или нетерминологической лексемы, как правило, не конкретизируется в японских словарях «специального назначения», зачастую в предисловии просто перечислены типы «спецлексики»: «теоретическая» (理論用語), «практическая» (実務用語) и «злободневная» (時事用語) [9, с. 4]. Кроме того, даётся отраслевая спецификация: общетеоретическая экономическая лексика, статистика, государственные финансы, финансы и кредит, страхование, операции с ценными бумагами, международные экономические отношения, внешняя торговля, валютно-финансовые операции, сельское (лесное, рыбное) хозяйство, промышленность, технологии, информация и связь, транспорт, торговля, социальное обеспечение и социальное страхование, трудовые отношения, менеджмент, бухгалтер и аудит, маркетинг и реклама, экология, муниципальная и региональная экономика, экономическое законодательство, экономические институты и организации и т. д. Таким образом, при отборе специальной лексики для включения её в словари лексикографы считают необходимым зафиксировать и понятийный аппарат экономической теории, и неологизмы (как «отечественного производства», так и многочисленные заимствования с последующей деривацией), и профессиональные арготизмы биржевиков, страховщиков, торговцев.

Рассмотрим ряд примеров, когда своего рода словообразовательные и словоприменительные «ловушки» японского экономического текста могут привести к образованию смысловых пробелов при переводе – своего рода когнитивных лакун, требующих восполнения с помощью таких методов переводческой трансформации как замены, добавления, перестановки, опущения [1] с целью максимально достоверного информирования читателя о реалиях японской экономики.

Самой очевидной причиной для трансформации исходного текста является наличие в русском языке терминологических клише и устой-

чивых словосочетаний. Например, 国際収支 принято переводить как «платёжный баланс», а не «международный»; 金融政策 – «кредитно-денежная (или «монетарная») политика», а не «финансовая»; 外貨準備高 – «международные резервы», а не «валютные» (и даже не «золото-валютные», что устарело в российской экономической литературе сравнительно недавно) и т. п. Нередко в ряду однотипных сочетаний с использованием одного определения русскоязычный перевод того или иного термина «выбивается» из логического ряда, например: 間接投資 – «портфельные инвестиции», а не «косвенные», как в случае с налогами (間接税), издержками (間接費) и т. п.; определение 定期 также можно обнаружить применительно к разного рода финансовым операциям, но если переводы терминов 定期預金 – «срочный депозит» или 定期保険 – «страхование жизни на срок» совершенно адекватны, то для 定期取引 такие варианты, как «сделки на срок» или «срочные сделки», несколько устарели, и гораздо более информативно звучит «фьючерсные сделки» (в японском языке чаще употребляется синоним 先物取引, но к нему вернёмся ниже).

Рассмотрим такой вид переводческой трансформации, как необходимость добавления дополнительных слов, отсутствующих в оригинальном тексте, в случае разнопереводности при однозначности термина, в зависимости от характера текста. Например, термины 賃金, 給与, 給料 могут так и остаться лишь рядом синонимов со словарным значением «заработная плата», если переводу подлежит экономически популярный текст, но в случае узкой специализации (бухгалтерская отчетность, трудовое законодательство и т. п.) или контекстуальной необходимости (сопоставление должностного или функционального статуса получателей зарплаты), придётся иметь в виду, что упомянутые конкретные термины перечислены в иерархической последовательности. Так, «нисходя» от общего к частному, 賃金 – наиболее ёмкое понятие, включающее несколько видов выплат; 給与 можно перевести как «заработок» (как вариант – регулярный, например, «месячный заработок» 定期給与), включающий переменную («сверхурочный заработок» 所定外給与) и постоянную («тарифный заработок» 所定内給与) части, последняя и является синонимом 給料, представляя собой сумму «тарифной ставки» (基本給) и различных надбавок (手当). На особенности дифференциации с конкретизацией или без таковой при переводе синонимичных терминов английского языка обратил внимание японский исследователь Миядзаки Дзюндзи [13, с. 15]. Он отмечает, что при использовании английских эквивалентов «wage» имеются нюансы: «salary» предназначена для лиц, не занятых физическим трудом, а «pay» получают работники госсектора и военнослужащие.

В продолжение темы корректности перевода с учетом специфики контекста, рассмотрим ряд примеров употребления семантически дифференцированных дублетов, образованных от глагола 売る («продавать»). Например, выражение 売り出し в словарных значениях «распродажа» и «поступление в продажу» теряет однозначность перевода, если речь идет не о любых товарных операциях, а употреблено в контексте торговли акциями, где важно разграничивать стадии эмиссии (первичного размещения) и последующего их обращения на вторичном рынке. Публичная распродажа, например, акций, ранее находившихся во владении крупнейших инвесторов (отцов-

основателей компании или материнских компаний), для неограниченного числа покупателей как раз и «скрывается» за отглагольным существительным 売り出し, а для столь же массовой «распродажи» впервые поступающих на рынок новых акций существует отдельный термин – «публичная подписка» 公募. Добавим фактор заимствования и рассмотрим «информационный код», скрывающийся за фактом наличия в тексте выражения 売りオペ (образованного сложением отглагольной формы с усечённым заимствованием オペレーション – operation) – «операция по продаже». Просто аббревиатура オペ может в любом другом контексте переводиться однозначно, но в словосочетаниях 売りオペ и 買いオペ («операция по покупке») перевод нуждается в обязательном дополнении: например, не *где бы то ни было* продажа (покупка), а на открытых рынках краткосрочных капиталов, не *чи бы то ни было* операции, а как правило – центрального банка страны. Остается добавить, что объектом продаж являются ценные бумаги, а сам термин употребляется практически исключительно в применении к инструментарию кредитно-денежной политики. При этом 買いオペ, в свою очередь, нельзя путать с таким действием как 引き受け – обретением облигаций на первичном (эмиссионном) рынке, который не используется в случае с операциями центрального банка (ему по закону не разрешено скупать гособлигации на стадии эмиссии, зато в последние годы стало возможно приобретать акции японских компаний). Рассмотрим ещё один комплект терминов из «сферы продаж»: 売り手 и 売り方. На первый взгляд, оба выражения могут означать позицию «продавец» в торговой сделке, но если в случае с 売り手 дополнительные смыслы могут «прирасти» только в сочетании с другими словами, то термин 売り方 совершенно однозначно переводится как «спекулянт, играющий на понижение на бирже», синонимом в этом узком значении может выступать слово 売主, сами подобные биржевые сделки на срок без покрытия (short-selling, «медвежий») называются 空売り, а обозначение самой позиции по сделке 売り残 в тексте может быть сокращено до 売り и не должно при переводе обойтись без добавления и конкретизации [15, с. 50–55].

Возможно, сфера операций с ценными бумагами является во многом показательной, если принимать во внимание специфику терминообразования в японском экономическом тексте – биржевое дело в Японии старше японского капитализма индустриального типа, масса специфических терминов и выражений давно вплетены в общую языковую картину деловой жизни, и зачастую переводчику приходится иметь дело с обманчиво общепонятными словами, а не только с многокомпонентными канго, «замысловатость» которых можно расценить как «сигнал» о необходимости свериться со словарем. Например, есть «соблазн» перевести фразу 「その会社は去年、上場した」 следующим образом: «эта компания появилась на рынке в прошлом году». На самом деле термин 上場 означает «листинг», а корректный перевод не может игнорировать на каком именно рынке и в каком качестве появилась упомянутая компания – в действительности она стала 上場会社, т.е. была зарегистрирована на фондовой бирже (или внебиржевом рынке), её акции поступили в публичную продажу и были допущены к котировкам. К слову, у термина 上場 больше одного антонима: к очевидному 上場廃止 «аннулирование со-

глашения о котировке акций» (как результата делового краха и несоответствия компании критериям регистрации на фондовой бирже) в современной Японии добавилась интересная практика добровольного выведения акций зарегистрированной компании из поля публичного размещения в режим частной подписки – 株式非公開化.

Иногда задачу «опознавания» лексемы в качестве экономического термина осложняет аббревиация. Так, в предложении 「日本では、1994～96年度にかけて名実の成長率が逆転して、98年度以降は名実逆転が常態化している」 [10, с. 554] встречается слово 名実, которое японско-русские словари трактуют как книжное выражение «название и действительность». Соответственно, смысл упомянутого предложения можно свести к констатации факта резкой перемены, случившейся в указанные годы с динамикой экономического роста – показатель его действительных темпов оказался некой противоположностью декларируемому (например, аналитиками или правительством). На самом деле в данном случае 名実 – это аббревиатура двух определений: 名目 «номинальный» и 実質 «реальный», характеризующих методику расчета экономического роста (ВНП, ВВП, национального дохода и т.д.), выраженного в первом случае в текущих ценах, а во втором – с учетом их колебания, т.е. с поправкой на инфляцию или дефляцию. Обычно в относительно здоровой экономике реальный экономический рост несколько меньше номинального, но в Японии впервые было отмечено в середине 1990-х гг., а с 1998 г. стало привычным явление обратного порядка – превышение реальных показателей экономического роста над номинальными, ввиду хронической дефляции. Таким образом, при переводе неизбежен «разрыв» исходного сокращения и перестановка последовательности изложения информации.

Другой пример «пограничной» ситуации, когда вполне опознаваемый как академический термин имеет такую структуру, что один из его компонентов способен приобретать разные значения в разном контексте, а другой является аббревиатурой («осколком» словосочетания, омонимичным самостоятельному термину): словосочетание 流通外資 ошибочно было бы понять как «находящийся в обращении иностранный капитал» (по аналогии, например, с 流通貨幣 – «деньги в обращении»), в данном случае имеются в виду «филиалы иностранных компании розничной торговли», особенно интенсивно с конца 2000 года начавшие разворачивать свои сети в Японии. «Ловушка» лексемы 流通 состоит в её одинаково традиционном употреблении в структуре терминов, описывающих циркуляцию, как денег (капиталов), так и товаров. В рассматриваемом примере она служит обозначением целой сферы экономики – системы обращения (оптовой и розничной торговли, транспортировки и складского хозяйства) и присутствует в целой «россыпи» словосочетаний из контекста товарооборота. А лексема 外資 – это в данном случае не «иностраный капитал» [16, с. 62], а сокращение от 外資系企業 – «компания с участием иностранного капитала» или совместные предприятия, в структуре капитала которых не менее 10% принадлежит иностранным корпорациям (как правило – транснациональным) [9, с. 64].

Аббревиация, конечно, одна из самых распространенных причин переводческих трансформаций, заставляющих порой не ограничиваться по возможности адекватной расшифровкой, но и добавлять

сопроводительные пояснения. Рассмотрим пример настоящего «нагромождения ловушек» для переводчика в коротком термине ミニ公募債. Во-первых, отметим среди его элементов даже не гайрайго ミニ (прозрачное для понимания «mini»), а иероглиф 公 («общественный»), часто употребляющийся в составе различных терминов, относящихся к сфере государственной собственности и финансов, например, 公企業 – «общественное предприятие» (т. е., находящееся в государственной или муниципальной собственности); 公共債 – «облигации общественного сектора» (общий термин для государственных облигаций, облигаций местных органов самоуправления и отдельных организаций, находящихся в собственности правительства) и т. п. Во-вторых, уточним, что в данном словосочетании этот иероглиф характеризует не принадлежность эмитента к общественному сектору, а указывает на способ эмиссии ценных бумаг: термин 公募債 означает «публичное размещение облигаций», в отличие от «частного размещения» (私募債, 非公募債 или 債縁債), даже если обязательства выпустила частная корпорация. Исходя из вышесказанного, в случае с ミニ公募債 могут напрашиваться следующие варианты перевода: «ограниченный объём эмиссии облигаций, предназначенных к публичному размещению» или «публичные торги облигациями малыми лотами» по аналогии с известными в Японии с осени 1995 года ミニ株 (неформальное сокращение от 株式ミニ投資 – «инвестиции в акции, торгуемые небольшими лотами»). Так или иначе, истинное значение раскрывает даже не полная версия наименования нового вида ценных бумаг (住民参加型ミニ市場公募債), а пространная словарная статья [10, с. 550], поясняющая, что это – появившаяся в Японии весной 2002 года разновидность облигаций местных органов самоуправления, рассчитанных на локальный рынок публичного размещения для физических и юридических лиц-резидентов конкретного муниципального образования, а также его окрестностей. «Минимальным» подразумевается и территориальный масштаб эмиссионного рынка (по сравнению не только с общенациональными облигациями госзайма, но и с другими местными облигациями), и «калибр» подписчиков (в отличие от институциональных инвесторов, для которых предназначены эмиссии большинства ценных бумаг общественного сектора), и размер лотов, доступных простым гражданам (от 10 тыс. иен).

Вернемся к проблеме излишне «прямолинейного» (и в результате – неполного или полностью неверного) истолкования терминов в экономических текстах, обусловленного на этот раз семантической интерференцией – переводчик довольствуется ощущением абсолютного понимания устойчивого выражения с заимствованными словами и не подозревает, что из-за ошибочного использования аналогии рискует допустить ошибку в передаче специфического значения. Например, можно оставить без дополнительных пояснений термины アクティブ/パッシブ投資 – «активные/пассивные инвестиции», но есть риск, что дилетант поймёт эту пару определений как характеристику интенсивности инвестиционного процесса («бодрый» или «вялый», что категорически неверно) или оценку степени участия инвестора в процессе капиталовложений («самостоятельный» или «ведомый», что лишь отчасти справедливо). Знаток же фондовых операций поймет, что речь идёт о трейдерской тактике, где активный тип инвестирования предполагает нацеленность инвестора на прибыль

от колебаний рыночных цен, без оглядки на сигналы бенчмарков (фондовых индексов или других показателей), а пассивный – предусматривает формирование сбалансированного инвестиционного портфеля, как правило, действительно сопровождаемый делегированием прав управления активами в пользу финансовых посредников (инвестиционных фондов, банков или страховых организаций). Смысловая «ловушка» в том, что в данном случае пара «активный/пассивный» – не антонимы, имеющие позитивную и негативную коннотацию. В зависимости от интересов инвестора, оба способа размещения капитала могут быть эффективными и выгодными, и если в английском и русском языке у данных терминов нет различий, то в японском языке чисто лексически помогает приблизиться к истине тот факт, что вместо более общего термина 投資 (инвестиции) в данных словосочетаниях чаще используется синоним 運用 – в большей степени «намекающий» на манипулятивный характер действий по управлению капиталами, а ещё больше «напрашивается» на уточнение смысла словосочетание «пассивный фонд» – パッシブファン ド – тот самый институциональный трейдер, на чей профессионализм может положиться владелец капитала при пассивном инвестировании.

Разумеется, в связи с гайрайго чаще актуальна необходимость выверки вариантов перевода заимствованного японцами термина на русский непосредственно с английского (или другого исходного) языка, но нельзя игнорировать факты «творческого вмешательства» японцев в то, что они заимствуют. Абсолютно «безоговорочной» лексико-семантической трансформации при переводе с японского языка подлежат те неологизмы, что являются плодами «лингвистического творчества» японцев (псевдоанглицизмы японского «производства»). Например, термин rebate («скидка», «уступка») [5], используется в разных ситуациях: крупные компании могут вернуть крупному покупателю часть стоимости товара для стимулирования продаж; судовладелец может снизить тариф грузоотправителю за то, что он пользуется его судами и т.п. Но только в японском варианте リベート произошло «награждение» негативным подтекстом термина, совершенно нейтрального по смыслу в других языках [6, с. 243], в японском это, скорее, синоним английского rake-off (нечестная и нелегальная практика разделения прибыли) [4]. Другой пример весьма анекдотичен: при попытке калькирования смысла англоязычного выражения «white knight» – «белый рыцарь», обозначающего покупателя, предложившего наиболее выгодные условия для дружественного поглощения компании (особенно, если есть угроза нежелательного поглощения «черным рыцарем»), японские лексикографы не ограничились записью катаканой ホワイトナイト, но увлеклись метафоричностью термина и сопроводили словарную статью «пояснительным» выражением 白馬の騎士 [10, с. 535], что переводится дословно «рыцарь на белом коне», хотя никакого «коня» в англоязычной версии нет, соответственно, необходима трансформация в виде опущения лишнего слова.

Калькируются не всегда термины, а сам принцип образования устойчивого выражения, например наименования «цветных книг» – обзорных документов официальных организаций. Разнообразные «белые книги» (白書) вписываются в ряд аналогичных документов

в других странах, разве что «титульный цвет» могут поменять – например, ежеквартальный Отчет Банка Японии о состоянии экономик девяти регионов Японии 地域経済報告(さくらレポート) по причине имеющих бледно-розовый цвет страниц иначе называют «отчетом сакура» – по аналогии с «Бежевой книгой» ФРС США; другой пример, グリーンシート (Green Sheet) – «перекрашенная» японцами версия Pink Sheets («Розовые листы» – прежнее название американской внебиржевой системы торгов акциями OTC Markets Group), применяющаяся в Японии для обозначения акций компаний, не зарегистрированных на бирже (эпитет «зелёный» в данном контексте подчеркивает «незрелость» компаний, не «доросших» до листинга) [15, с. 337]. Слово グリーン от английского green давно и прочно ассоциируется с экологической тематикой: «зелёными» бывают продукты (например, グリーン食品 – экологически чистые культуры, при производстве которых не злоупотребляли химическими удобрениями); промышленные товары (グリーンPC – обеспечивающий низкое потребление электроэнергии персональный компьютер); технологии (グリーンケミストリー – подход к созданию новых химических соединений, учитывающий последствия их влияния на окружающую среду); маркетинг (グリーン・マーケティング), даже налоги (элементом «зелёной налоговой системы» グリーン税制, в частности, являются автомобильные налоги, сборы от которых призваны компенсировать ущерб от выхлопных газов). При этом редкий термин всё же останется при переводе в «первозданно-зелёном» виде, без уточняющих ремарок. В апреле 2001 г. в Японии, например, вышел закон, чьё название содержит лаконичное определение 「グリーン購入法」, но вынуждает переводчика довольно многословно конкретизировать его назначение: закон, обеспечивающий режим преференций для закупок государственными и региональными учреждениями экологического оборудования, транспорта и т. п.

Важно также обращать внимание на особенности параллельного употребления ранее существовавших терминов и заимствований из иностранного языка с точки зрения возникающих в результате такого соседства эволюционных изменений терминосистемы. В каких-то случаях «мода» берет своё, и на смену громоздким выражениям приходят, гайрайго, записанные катаканой и зачастую подвергнутые аббревиации: так произошло с «инфляцией» – сокращённая форма インフレ не только вытеснила полную インフレーション, но и стала компонентом множества сочетаний; вместо толкования термина 金融派生商品 «производные финансовые инструменты» словари отсылают к デリバティブ («деривативы», что стилистически больше подходит на профессионализм, чем на академический термин [10, с. 126; 15, с. 326]. Бывают примеры обратного характера, когда использование японского термина, например, 証券化 («секьюритизация») более рационально и предпочтительно в употреблении на фоне весьма актуального, но не отличающегося компактностью заимствованного セキュライゼーション. В других случаях исторически сложилось так, что многозначный термин из английского языка первоначально был заимствован в одном значении, а гораздо более актуальное второе значение записывается иероглифически, например, «trust» по-английски и в записи катаканой トラスト на заре модернизации и вестернизации Японии стал обозначать «трест, концерн», а вот «траст

как доверительные имущественные отношения» остается в многочисленных сочетаниях исключительно как 信託, например, 信託銀行 - «траст-банк», 信託基金 - «трастовый фонд» и т. п.

Случаются «рокировки» в употреблении сугубо японских терминов, когда изменяются реалии национальной экономики. Так, в августе 2006 г. Банком Японии было официально заявлено, что такой классический инструмент монетарного регулирования, как официальная учётная ставка – 公定歩合, теперь будет называться 基準割引率 и/или 基準貸付利率 [7]. Отправленный «в отставку» термин применялся для обозначения процентов, взимаемых именно Банком Японии за кредиты, предоставленные японским банкам, в отличие от двух синонимов, использовавшихся в абстрактно-теоретических научно-экономических текстах. Отныне десятилетиями практиковавшиеся операции с 公定歩合 признаны атрибутом канувшей в прошлое кредитно-денежной политики с преимущественно административными методами регулирования (некогда совершенно уникальными в мировой практике). С 1994 г. в ходе финансовой либерализации была окончательно ликвидирована «привязка» рыночных ставок процента к официальной, и, по мысли руководства японского центробанка, назрела необходимость символического расставания с прошлым, путём введения в практический оборот нейтральных к страновым реалиям академических терминов (вариант термина «учётная ставка», где сохраняется элемент 公定 в сочетании с заимствованным レート, также может употребляться, но в отношении иностранных центробанков) [15, с. 418]. В русском языке, кстати, тоже сосуществуют термины «официальная учётная ставка», «дисконтная ставка» и «ставка рефинансирования».

Интересны случаи, когда заимствованный термин выступает не просто как синоним или дублет, пусть и с семантическими или стилистическими нюансами употребления, а вступает в иерархические отношения с японскими словами и выражениями, имеющими специальное значение. Например, в 1949 г. в Японии возник, так называемый, рынок гэнсаки (полное наименование 債券現先市場) - разновидность открытого денежного рынка ссудных операций в виде краткосрочных соглашений о продаже и обратной покупке облигаций по согласованной цене. А с 1996 г. в Японии стали стремительно развиваться приближенные к западной практике сделки РЕПО (от англ. repurchase agreement, repo), и «старый» рынок гэнсаки стал частью рынка репо (債券レポ市場), хотя механизм операций на них практически идентичен (債券貸借取引 – ссуда и заём облигаций под наличный денежный залог по сути то же самое, что 債券売買取引 – ссуда денег под залог облигаций), просто с закрепившимися исторически конкретным кругом участников и финансовых инструментов. Обратный пример, когда заимствованный термин フューチャー – «фьючерс» (futures) не просто уступает отечественному 先物 по распространенности в различных сочетаниях, но лишь изредка используется как вспомогательный. Причина опять-таки историческая: осацкие биржевики использовали финансовые фьючерсы уже в начале XVIII в. Таким образом, присутствие в синонимическом ряду исконно японских терминов и гайрайго может дезориентировать переводчика, затрудняя выбор эквивалентов по причине субъективных представлений об их актуальности или архаичности. Но вышеоз-

наченные примеры свидетельствуют: без ущерба для смысла иногда можно опустить частности и назвать сделки гэнсаки современным термином репо, а вместо ёмкого, но устаревшего выражения «товары по сделке на срок» употребить уже ставшее привычным для русскоязычных читателей «фьючерс».

Приведём ещё пару примеров возможных переводческих трансформаций в виде конкретизации по двоякой причине: с одной стороны, использование лексики, чья узкая специализация отмечается лишь в толковых словарях; с другой стороны, наличие заимствованных синонимов, чьё использование имеет определённые нюансы. Так, термин 借款 («заём») в японском тексте подразумевает конкретный состав участников ссудных отношений: или между иностранными финансовыми организациями, с одной стороны, и японскими государственными органами – с другой, или между правительственными и общественными организациями разных стран [11, с. 1198]. Если частные финансовые учреждения или компании фигурируют как участники 借款-сделок, то это означает, что они тесно связаны с правительством. Также в качестве синонима 借款, зачастую выступает заимствованное из английского языка クレジット – «credit», хотя в данном случае корректно было бы использовать английское «loan», но для ローン у японцев «припасена» другая особая коннотация – термин применяется преимущественно в отношении потребительского кредитования, следует заметить, весьма порицаемого общественным мнением (преимущественно в лице старшего поколения японцев), отсюда и стремление «закамуфлировать» иностранным словом факт «жизни не по средствам». Второй пример касается традиций «нишевого» применения терминов, для которых используются английские аббревиатуры: например, NPO (non profit organization) можно переводить как «некоммерческие организации» или «бесприбыльные» (с оговоркой, что прибыль то они извлекать могут, только распределять в виде бонусов руководству не имеют права, вся чистая разница между выручкой и издержками должна быть реинвестирована на цели титульной общественно-полезной деятельности). А вот термин NGO (non-governmental organization) в Японии мало перевести как «неправительственная организация», нужно иметь в виду, что здесь традиционно так именуют те NPO, что задействованы в международной деятельности, например, оказывают содействие развивающимся странам и т.д. [10, с. 667–668].

Вполне очевидны трудности поиска адекватных вариантов переводческой трансформации в случае с такими различными по свойствам лексических единиц языками, как японский и европейские. Рассмотрим пример решения аналогичной задачи в условиях сходства иероглифического написания языковых единиц в исходном (китайском) и переводящем (японском) языках.

Так, в оригинальном китайском тексте 「振栄衣、友展农村径務、増加表民牧入和減輕寂民負担」迭三小向題就称作三衣向題 [12, с. 25] был использован неологизм 三衣向題, дословно: «проблемы трёх одежд», отсылающий японского читателя к традиционному облачению буддийских монахов, т.к. три одеяния 三衣 – это кашаи (в японском буддизме «кэса» 袈裟): нижняя, верхняя одежда и накидка-мантия. Этапы произведённой трансформации – замена автором перевода на японском языке второго иероглифа на 農 («сельское хо-

зяйство»), преобразование словосочетания в 三農問題 («три сельские проблемы») с последовательной расшифровкой содержания проблемного пакета: 農業・農村・農民の問題 («проблемы сельского хозяйства, сельских поселений и сельских жителей»), и наконец, раскрытие сути при переводе основной содержательной части оригинального предложения: 「農業の振興・農村の経済成長・農民の所得増と負担減」 – «стимулирование сельского хозяйства – экономический рост в деревнях – рост доходов и сокращение задолженности сельских жителей». Так, иероглифическое письмо в исходном и переводящем языке позволило поддержать «игру слов» исходного выражения, подчеркивающего многослойность и взаимосвязь трёх проблем, но при этом произвести вынужденную замену лексической единицы с добавлением конкретизирующих слов.

Фиксация внимания на каком-либо фразеологизме – нередкое явление, например, в экономической политике, когда какому-нибудь правительственному документу присваивается броский подзаголовок. И если сокращенную форму законов или государственных программ переводчик может развернуть в переводе, то отдать должное образности неформального титула удастся не всегда. К слову, «тройственность» чего-либо, похоже становится любимым приемом японских политиков. Один из недавних примеров не вызвал затруднений у переводчиков – это アベノミクスの「三本の矢」 («Три стрелы» Абэномики). Другой доказывает, что переводческая трансформация может быть необходима там, где стремление дословно воспроизвести нечто образное по задумке авторов, в переводе может быть неуместным (и даже в чем-то безвкусным): реформу финансирования органов местного самоуправления 2002 г. в Японии называли 「三位一体改革」 (Trinity reform) [14, с. 53]. Совершенно справедливо российский ученый Сенаторов А. И. перевёл это как «реформы в пакете по трём направлениям» [3, с. 44] и не стал обыгрывать понятие «Троица», которое ради «красного словца» и без всякой смысловой нагрузки использовало правительство Д. Коидзуми.

Вернёмся к проблемам поиска адекватного перевода в случае с неологизмами и заимствованиями, решаемыми в японском и китайском языках: термин «аутсорсинг» (англ. outsourcing) японцы записывают катаканой (アウトソーシング) и иероглифически (外部委託), а китайцы используют слово 外包 (кстати, в японском языке данный термин в иероглифической записи используется в нейроанатомии, и переводится как «внешняя капсула» – ряд волокон белого вещества головного мозга). Показателен любопытный поиск смысла профессионального неологизма, обнаруженный на странице одного из японских блогеров [8], который пытался выяснить у китайских коллег по IT-бизнесу, что же они подразумевают под 内包 – термином, выглядящим прямо антонимично 外包 (в японском языке также используется термин 内包, но уже в науке логики, где означает «объём понятия»). Явно пока не «доросший» до терминологизации профессиональный жаргонизм привлек внимание японского пользователя Интернет отсутствием слова в сервисах автоматического перевода, и при том, что ему был прекрасно известен смысл продуктивных и простых для понимания иероглифов, контекст применения и способ образования данного слова, он не мог быть уверенным в точности перевода, пока носители языка соответствующей сферы профессио-

нальной деятельности не прояснили, что это не предполагаемый антоним «инсорсинг», т.е. дополнительное использование внутренних ресурсов компании, а все тот же «аутсорсинг», но исключительно между китайскими компаниями, без привлечения товаров и услуг зарубежных организаций и кадров – получается, это антоним «офшоринга» (offshoring, オフショアリング).

Рассмотренные примеры словообразования и употребления терминов и словосочетаний разнообразных слоёв японской экономической лексики позволяют сделать следующие выводы:

- во избежание когнитивных лакун при переводе японского экономического текста необходимо выявлять и проверять на соответствие заложенному в оригинале смыслу не только научные экономические термины и профессионализмы, но и реалии японской экономики;

- профессиональный перевод японских экономических текстов на русский язык должен оперировать устойчивыми лексическими конструкциями, введёнными в научный оборот в отечественном японоведении;

- для перевода неологизмов и описания реалий, не нашедших отражения в русскоязычных научных работах, требуется поиск максимально адекватных вариантов перевода с использованием лексикографических экспланаторных словарей (желательно, изданных в Японии);

- терминосистема экономики Японии подвержена постоянным изменениям по причинам не только появления неологизмов, но и изменений нюансов употребления ранее существовавшей лексики;

- даже использование в японском языке заимствованной экономической терминологии не гарантирует её однозначность в рамках японского словоупотребления;

- распространёнными факторами, обуславливающими необходимость переводческих трансформаций (и существенно усложняющих понимание «в первом приближении»), служат такие особенности словообразования японской экономической лексики, как аббревиация, заимствования и их комбинации;

- типичными формами переводческих трансформаций японского экономического текста являются добавления дополнительных (уточняющих) слов, отсутствующих в оригинальном тексте в случаях разнопереводности при однозначности термина; конкретизация при многозначности или наличии семантически дифференцированных дублетов.

Все вышеупомянутые примеры служат лишним доказательством того, что избыточность значений, неопределённость семантических границ, разнотерминность употребления могут быть свойственны не только разговорной, но и специальной экономической лексике, как бы ни стремились термины по определению тяготеть к однозначности. А старание переводчика использовать разные способы передачи смысла, не ограничиваясь шаблонными приемами, и будет «служением святому Термину», разделяющему поверхностный и квалифицированный перевод.

Литература

1. Переводческие трансформации [Электронный документ] // Информационно-аналитический «Портал переводчиков». URL <http://translations.web-3.ru/intro/equivalents/> (Дата обращения: 22.06.2017).
2. Польская С. С. К проблеме лексикографической фиксации единиц специальной лексики (на материале языка профессиональных участников фондового рынка) // Вопросы филологии. 2009. № 1, Том 31. С. 101–107.
3. Сенаторов А. И. Десять лет административной реформы в Японии // Японский опыт для российских реформ. – М., 2005. Вып. 1. С. 37–44.
4. Cambridge Dictionary: Rake-off [Электронный документ] // Лингвистическая база данных Cambridge University Press. URL <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rake-off> (Дата обращения: 15.07.2017).
5. Cambridge Dictionary: Rebate [Электронный документ] // Лингвистическая база данных Cambridge University Press. URL <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/rebate> (Дата обращения: 15.07.2017).
6. 青柳由紀江. 和製英語辞典 / 青柳由紀江, 亀田尚己, J. M. クリスチャンセン. – 東京: 丸善, 平成26年. – 330頁 = Аояги Юкиэ. Словарь японских псевдоанглицизмов / Аояги Юкиэ, Камэда Наоки, J. M. Christiansen. – Токио: Марудзэн, 2014. 330 с.
7. 以前の「公定歩合」は、現在、どのように位置づけられていますか? [Электронный документ] // 日本銀行. = Как в настоящее время звучит определение «официальная учётная ставка», вместо термина «котэй буаи»? // Официальный сайт Банка Японии URL <https://www.boj.or.jp/announcements/education/oshiete/seisaku/b38.htm/> (Дата обращения: 03.07.2016).
8. 「外包」と「内包」 [Электронный документ] // 中国IT業界よもやま日記 = «Гайхо» и «Найхо» // Авторский блог «Китайский IT-бизнес: записки на всевозможные темы». URL <http://d.hatena.ne.jp/xiongmao/20091017/1255776813> (Дата обращения: 20.07.2017).
9. 経済辞典. – 東京: 有斐閣, 1995年. 872頁. = Экономический словарь. – Токио: Юхикаку, 1995. 872 с.
10. 経済新語辞典. – 東京: 日本経済新聞社, 2005年. 700頁 = Словарь экономических неологизмов. – Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 2005. 700 с.
11. 広辞苑. – 東京: 岩波書店, 一九九二年. – 2858頁. Энциклопедический словарь «Кодзиэн». – Токио: Иванами сётэн, 1992. 2858 с.
12. 銭紅日. 中日経済用語における新語の翻訳に関する一考察 // 奈良産業大学「産業と経済」. – 2009年. – 第23巻第5号. 25–34頁 = Цянь Х. К вопросу о переводе неологизмов в китайской и японской экономической терминологии // Журнал Промышленного университета Нара «Промышленность и экономика». 2009. № 5, Том 23. С. 25–34.
13. 宮崎郁司. 時事解説と経済英語: 社会言語と語義変化 // 時事英語学研究. 1962年. 第1号. 10–16頁 = Миядзак Дзюндзи. Актуальное толкование английской экономической лексики: социолингвистика и лексические трансформации // Current English Studies. 1962. №1. С. 10–16.
14. 日経キーワード重要500. – 東京: 日経人材情報, 2005年. 296頁 = 500 важнейших ключевых терминов «Нихон кэйдзай симбун». – Токио: Никкэй дзиндзай дзёхо, 2005. 296 с.
15. 日経 経済英語和英大辞典. 東京: 日本経済新聞社, 2004年. 1420頁 = Большой экономический англо-японский словарь «Нихон кэйдзай симбун». – Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 2004. 1420 с.
16. プレム・モトワニ. 日英略語・略称辞典 / M. Prem. 東京: 丸善, 平成5年. – 270頁 = Prem M. Японо-английский словарь аббревиатур и сокращений. – Токио: Нихон Марудзэн, 1993. 270 с.